

— Парень, если уж мы заговорили об этом, то сегодня я намерен высказать тебе всё, что думаю. Если бы не я все эти четыре года, когда присматривал за старухой, смог бы ты вообще поступить в университет?

Пожил в своё удовольствие, нахватався вершков, и теперь наши бедные родственники тебе глаза мозолят? Раз такой способный, взял бы да улетел в дальние края, добился успеха, а мы бы посмотрели! А в итоге что? Приполз обратно, поджав хвост, и забился в эту дыру, где только и остаётся, что с голоду помереть? Говорят же: горбатого могила исправит, кто на что учился, тому так и жить...

— Заткнись!

Цзян Сюнь шагнул из темноты, и в то же мгновение, когда он нахмурился, глядя на Цзян Юнцзи, с него слетела всякая невозмутимость.

— Четыре года... Да, я уезжал учиться меньше чем на четыре года. Почему бы тебе не рассказать, что ты творил всё это время? Ты проиграл дом в азартные игры! Бабушка из-за тебя дважды терялась, а один раз чуть не умерла от болезни! Это ты называешь заботой? Если бы не ты, разве у бабушки случился бы приступ, разве упустили бы мы время для нормального лечения? Ты сам погряз в этой грязи, и теперь, когда тебе тошно, хочешь затянуть меня в ту же трясину? Поздравляю, у тебя получилось! Цзян Юнцзи, все твои долги я за тебя закрыл, всё, что мог, отдал. Отныне бабушку я буду досматривать сам. Тебе нужно лишь одно: больше не попадаться нам на глаза. Мы об этом давно условились. Так что не наглей. Это моё последнее предупреждение.

— Ты! Ты смеешь мне угрожать...

— Ой, да что же вы шумите! Есть у вас хоть капля совести? Услышат соседи, куда мне потом девать своё лицо? — Бабушка, причитая, принялась отталкивать Цзян Юнцзи. — Забрал деньги, так уходи немедленно, не позорься!

— Тьфу, всё из-за твоего непутёвого внука, который мне кровь портит.

Цзян Юнцзи не унимался, ворча и ругаясь, он направился к выходу. Проходя мимо Цзян Сюня, он на ходу стянул с батареи белую куртку.

Холод в глазах Цзян Сюня стал ещё пронзительнее. Подождав пару секунд, он сорвался с места и бросился вдогонку.

— Цзян Сюнь! Что ты делаешь? Вернись!

— Брось куртку!

Поджарое тело Цзян Сюня двигалось с ловкостью чёрной пантеры, в каждом движении

чувствовалась поразительная мощь. Цзян Юнцзи, которого он настиг, понял, что пути к отступлению больше нет. Испугавшись, он грязно выругался и, резко развернувшись, с размаху хлестнул Цзян Сюня курткой по лицу.

— Не наглей, щенок!

Увернуться не удалось. Металлический замок, скользя по самому глазу, полоснул по скуле. Под кожей мгновенно вздулся багровый синяк.

— Я сказал — брось!

Боль не замедлила его движений: Цзян Сюнь мертвой хваткой вцепился в руку мужчины. В полумраке его дымчато-серые глаза, затуманенные кровавой пеленой, казались невероятно свирепыми. Изобразившаяся на лице гематома лишь подчеркивала его ярость. В этот момент Цзян Сюнь походил на кровожадного зверя, готового разорвать добычу.

Даже такой прохиндей, как Цзян Юнцзи, в этот момент струсил. Взрыв гнева Цзян Сюня всколыхнул жуткие воспоминания. Тогда, когда из-за его долгов к ним домой заявили кредиторы и у бабушки на фоне стресса обострилась болезнь Альцгеймера, именно Цзян Сюнь в одиночку раскидал пятерых верзил. А на следующий день, не сказав ни слова, продал старый дом Цзянов, чтобы оплатить счета и погасить долги, после чего вышвырнул его на улицу. Жестокость, решительность и звенящая тишина — какой бы мразью он ни был, проверять это на себе второй раз он не осмелился. Именно поэтому он всё это время старался избегать встреч с Цзян Сюнем.

Пока он пребывал в оцепенении, Цзян Сюнь вырвал куртку. Цзян Юнцзи в панике бросился бежать и, не удержавшись, кубарем полетел с лестницы.

Ветхое здание огласил истошный вопль. Из всех квартир начали высовываться любопытные соседи. Бабушка, дрожа, подбежала и рухнула рядом с Цзян Юнцзи, заливаясь слезами:

— Сюнь-цзы, как бы он ни был гадок, он всё-таки твой родной дядя. Стоило ли из-за какой-то куртки доводить всё до такого? Ох, за что мне всё это...

— Бабушка, иди в дом. Я отвезу его в больницу.

Цзян Сюнь взвалил на спину не способного подняться Цзян Юнцзи и, не обращая внимания на перешёптывания и косые взгляды, вышел из подъезда и повёз его в больницу.

Возможно, из-за слабого здоровья Тянь Юньчжу обладал обострённой чувствительностью, недоступной обычному человеку. А может, всё дело было в том, что этим человеком был Цзян

Сюнь. Каждый его жест, каждый взгляд будоражили нервы Тянь Юньчжу.

Эта ночь обещала быть бессонной — и всё из-за одного короткого «угу», присланного Цзян Сюнем. Как же это невероятно: всего один слог способен всколыхнуть человека, перевернуть целую долгую ночь. Точно так же, как и прежде, когда Цзян Сюнь без малейших усилий годами оставался главной звездой школьных рейтингов. Его властность заставляла невольно смотреть на него снизу вверх, а влюблённость приходилось прятать в самых тёмных уголках души.

Тянь Юньчжу лежал в кровати, не в силах уснуть. Он послушно ждал здесь, потому что Цзян Сюнь велел ему набраться сил. Но даже когда эмоциональные качели немного стихли, происходящее всё ещё казалось нереальным.

Наступит рассвет, и у него будет целая неделя. Ровно сто шестьдесят восемь часов, чтобы жить рядом с Цзян Сюнем, делить с ним кров и еду. Когда он думал об этом, даже те сорок с лишним часов изнурительной поездки в поезде казались ничем.

Тянь Юньчжу облизнул губы, словно выпил бокал нектара. Вслед за густой сладостью на языке разлилась вязкая горечь. Цзян Сюнь не помнил его, поэтому это огромное счастье было лишь односторонним, тайным сокровищем, которое нельзя показывать на свету. Оно покоилось на фундаменте его несбыточных грёз, грозя в любой момент рухнуть под тяжестью правды.

<http://bllate.org/book/26749/3204020>